

В. И. КОСИК

СОФИИ РУССКИЙ УГОЛОК

Очерки со стихами о русских, покинувших Россию
после октябрьской революции 1917 года
и последовавшей за ней гражданской войны

Виктор Иванович Косик

Софии русский уголок

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16901817

Софии русский уголок. / Косик В.И.: Пробел-2000; Москва; 2008

ISBN 978-5-98604-127-8

Аннотация

В книге освещается жизнь русской эмиграции в Софии. В ряде сюжетов представлены быт, искусство, учеба, работа, развлечения и даже политика. Отражены некоторые судьбы известных представителей русского клира.

Содержание

Вступление	6
Итак, я начинаю с «Вопля!»	10
Экзарх, архиепископ, протопресвитер, священник, монахиня и партизанка	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Виктор Иванович Косик

Софии русский уголок

Моей жене Ольге

Очерки со стихами о русских, покинувших Россию после октябрьской революции 1917 года и последовавшей за ней гражданской войны

Вступление

*Вы помните былые дни,
Когда вся жизнь была иною?
Как были праздничны они
Над Петербургскою Невой...*

*Вы помните, как ночью вдруг
Взметнулись красные зарницы
И утром вдел С.-Петербург
Гвоздику юности в петлицу?..*

*Ах, кто мог знать, глядя в тот раз
На двухсотлетнего гиганта,
Что бьет его последний час
На Петропавловских курантах...*

*И вот иные дни пришли,
И для изгнанников дни эти
Идут вдали от их земли
Тяжелой поступью столетий...*

Н. Агнивцев¹

А как пили! А как ели! И какие были либералы!..
А. П. Чехов²

На эту некогда модную тему написано уже свыше пятисот статей, очерков, книг, заметок и прочая и прочая.

Для небольшой страны, где нашли свой второй дом ты-

сочи русских беженцев (подсчет весьма затруднителен уже потому, что если большинство исследователей склоняется к цифре в 30–40 тысяч человек, то один из болгарских русских князь Андрей Мещерский пишет о 10 с небольшим тысяч русских), это очень много.

Первенствуют и переписываются темы, связанные с доступной всем культурой. В ее поле воссоздаются и герои многих исследований, прежде всего ставшие уже хрестоматийными Н. Н. Глубоковский, Н. О. Массалитинов, П. Н. Бидили, которым посвящены десятки трудов.

Среди авторов доминируют болгарские исследователи. Из увидевших свет работ назову книгу «Бялата емиграция в България. Материали от научна конференция София, 23 и 24 септември 1999 г.» (София, 2000) с объемной вводной статьей Лизбет Любеновой и Ганки Рупчевой «Извороведски и историографски проблеми на бялата емиграция в България», а также монографию «Руската емиграция в България» (София, 2002) Цветаны Кьосевой, автора многочисленных и оригинальных трудов по этой проблематике. Из отечественных историков, давно работающих в этой области, можно назвать Андрея Николаевича Горяинова, посвятившего многие страницы исследований культуре. Из мемуаристов отмечу Ивана Григорьевича Тинина, написавшего интересные по стилю, композиции, информации воспоминания «Бытие Исход Второзаконие (история глазами очевидца) Династия Тининых и иже с ними Воспоминания» (Волго-

град, 2001), и книгу князя Александра Леонидовича Ратиева «То, что сохранила мне память. Мемуары» (София, 1999).

И прежде чем входить в русскую Софию, я хотел бы поблагодарить болгарских историков и архивистов, которые сделали очень много для памяти «братушек» на своей Родине.

Выражаю свою признательность болгарской балерине Верре Кировой, Евгении Васильевне Бесчастновой (в девичестве Левковой), Татьяне Константиновне Пчелинцевой, любезно предоставивших материалы из своих личных архивов, поделившихся воспоминаниями, а также Евгении Владимировне Клевцовой.

Благодарю руководство и сотрудников Центрального Государственного исторического архива Болгарии, прежде всего Лилянну Цветкову и Огняна Пунева за предоставление иллюстративных материалов.

Приношу благодарность сотруднице Центрального Государственного исторического архива Болгарии Лиляне Владевой, а также журналисту и историку Иво Жейнову, откликнувшихся на просьбу о нужных для меня сведениях.

Благодарю предоставлявшего результаты своих научных разысканий председателя совета правления Русского академического союза в Болгарии Сергея Александровича Рожкова, а также председателя общества Союз русских инвалидов в Болгарии Владимира Петровича Гаристова, делившегося со мной информацией.

И конечно, само появление этой книжки связано с именем моей давней коллеги Лизбет Любеновой, которая не только присылала необходимейшие материалы, но и своими советами помогала мне во время работы.

Итак, я начинаю с «Вопля!»

Итак, я начинаю со стихов в софийском «Вопле!»:

«Большие силуэты»
*Об заклад готов я биться
На волос последних клок,
Что болгарская столица —
Это русский уголок.*

*В медной каске — кум пожарный
Забредет к кухарке вдруг...
Дам смущает легендарный
Наш брандмейстер Захарчук.*

*В праздник звоны, перезвоны
Церковь Божия полна:
В церкви грохает поклоны
Вианорыч Куприна.*

*По дорожке — чинно, тихо,
Не взирая на народ,
Стопудовая купчиха
В сарафане проплывет.*

*А за ней, как солнце мая,
Среди женщин и детей.*

*Кротко всех благословляя —
Семенит архиерей.*

*Вот субъект — он все вмещает,
Академик и капрал —
Наших деток просвещает
Этот мудрый генерал.*

*Об заклад готов я биться,
Побожиться я готов,
Что болгарская столица —
Православный наш Ростов³.*

Немного о героях.

Юрий Захарчук, поручик, любимец дам, франт, организатор в 1923 г. первой в Софии команды пожарных. Позволю привести здесь обширную выдержку из мемуаров князя Александра Ратиева о бравом брандмейстере. Поводом к началу его возвышения послужили его «незаурядная энергия, знания и распорядительность при спасении посетителей Государственного народного театра во время катастрофического пожара вечером 11 февраля 1923 года... попав на пожар случайно и видя растерянность местных пожарных при спасении заблокированных огнем зрителей в горевшем здании, он энергично выделил из толпы собравшихся праздных зрителей наиболее энергичных и разослал их по соседним домам — искать и приносить к месту пожара большие ковры.

По мере их доставки он заставил других зрителей держать их у стен горящего здания, а зрителям внутри театра, загнанным на верхний этаж и крышу, очутившимся в безвыходном положении, приказал прыгать вниз на ковры. На следующее утро тогдашний министр-председатель Александр Стамболийский вызвал Захарчука к себе и выяснив, что его инициатива не случайна, а что он окончил специальную школу пожарных командиров в Петрограде, сразу же его назначает шефом пожарного дела в столице. В очень короткий срок своею взыскательной строгостью в сочетании с непрестанными заботами о быте своих подчиненных и, конечно, благодаря незаурядным административным и организаторским способностям, пожарное дело в Софии Захарчук поставил на такую высоту», которая вскоре появилась поговорка: «Юра Захарчук является на пожар за пять минут до его начала»». Начальниками пожарных команд во многих городах Болгарии стали его бывшие подчиненные. За эти долгие годы службы Ю. П. Захарчук стал самой популярной личностью не только в Софии, но и в Болгарии. Так, например, попав на выставку в Пловдиве в 1937 году, Ратиев, как он пишет, не был удивлен, увидев вывеску – «Моды дамских шляп “Юра Захарчук”». В 1930 г. его команда на международном смотре пожарных завоевала первое место⁴.

Не обошел его вниманием в своих воспоминаниях и Бернард Розенберг, писавший, что на пожар Захарчук выезжал на белом коне со следовавшими чуть поодаль двумя конны-

ми сигнальщиками, передававшими необходимые распоряжения с помощью своих труб. О самом начальнике всех пожарных говорили, что он был ранен при пожаре и часть его черепа покрыта платиновой пластиной. Его пожарное депо, размещавшееся в здании между улицами Раковски, Экарх Иосиф и Тетевенска, часто посещали высокие гости, которых встречал Захарчук в красивой темносиней униформе. Он всегда был горд тем, что когда платок одного из гостей, которому он предлагал провести им по металлическим частям пожарной машины, оказывался таким же чистым, как и прежде⁵.

Его, как вспоминал И. Г. Тинин, «как огня, боялись дельцы, которые пожаром старались прикрыть свои махинации, потому что им, как правило, это не удавалось». 9 сентября 1944 г., в день прихода к власти коммунистов, он застрелился⁶. Жизнь кончилась. Можно было ставить точку. Большевики догнали его в Софии!

И таких, как он, было немало, уходивших на тот свет, не желая мириться с происходившим в этом мире.

«Академик и капрал» – видимо, генерал А. В. Арцишевский, уполномоченный Всероссийского союза городов в Болгарии, занимавшийся там организацией русского учебного дела. Вианорыч – герой рассказа Александра Куприна «Мирное житие» Иван Вианорыч Наседкин, регулярно оповещавший начальство о нарушениях «правил жизни» своими согражданами и пр. Архиерей – владыка Серафим).

Сама атмосфера в Софии с прибытием русских стала разнообразней, цветистей. И если в Париже они шли в таксисты, то в Софии – в маляры, раскрашивая жилища столичных горожан⁷.

Курьер генерала Врангеля вспоминал:

«Из всех столиц, которые мне суждено было проезжать, София оставляла самое неотрадное впечатление. Уже самый вокзал, грязный, наполненный солдатней и селяками, – около него жалкая площадь с одинокими провинциальными извозчиками и рядом трамвай, тоже общипанного вида.

Сам город расположен на высоте 550 метров над уровнем моря у подножья гор. Витошь. Климат довольно суровый, летом колеблется между + 35 градусов Р. до -20 зимой.

София в то время еще не оправилась от войны 1914–1917 гг.: оккупация союзников и революционные выступления, которые заставили Царя Фердинанда отречься от престола и спешно уехать в Австрию. На престол вступил его сын Царь Борис, крестник нашего Государя, который искусно справился с народным положением и сумел завоевать любовь и доверие своего народа.

В центре города, около Дворца и русской церкви, город имел характер хорошего русского губернского города. Дома здесь были выше и лучше, публика более нарядная. Главная улица этой части города – Бульвар Царь Освободитель – представляет широкий бульвар, упирающийся в громадный парк «Борисова Градина». В знак благодарной памяти Рос-

сии за освобождение Болгарии от турецкого рабства в 1877–1878 г. многие улицы получили названия или в честь прославившихся в ту войну русских генералов (Бульвар Скобелев, Бульвар Дондуков, Бульвар Граф Игнатъев) или в память особенно упорных боев (ул. Шипка), а также наименования русских городов (напр. Московская улица).

В различных частях города были поставлены памятники: Царю Освободителю – благодарная Болгария, медицинскому персоналу, погибшему во время войны (докторский памятник), и вообще русским, павшим за освобождение Болгарии (Русский памятник).

На шоссе, идущем в Софию из Этрополя при въезде в город, стояли памятники Н-[ачальни]ку 3 гвар[дейской] Пех[отной] Див[изии] Генералу Каталею, павшему на этом месте при занятии Софии.

Хорошие гостиницы, которых было немного, стоили очень дорого, а гостиницы средней руки и многие дома кишели клопами (дервеница).

Все местные жители безусловно понимали по-русски, многие из них окончили средние учебные заведения и корпуса в России. Почти все говорили на «ты», причем при отрицании качали утвердительно головой и, наоборот, что часто бывало причиной комических недоразумений.

Из достопримечательностей города в первую очередь следует поставить построенный по проектам русских архитекторов, с чудной живописью внутри русских (Васнецов), чеш-

ских и болгарских художников, прекрасным, художественно-исполненным иконостасом и великолепным тронем для Царя – Собора памятник св. Александра Невского. Затем большой парк «Борисова Градина», русская церковь, построенная и расписанная в русском стиле и отличные бани, действительно прекрасное заведение, построенное с большим восточным комфортом, и с горячей минеральной водой, бывшей тут же из под земли и обладавшей целебными свойствами.

Продовольствия было вдоволь и сравнительно недорого... рестораны и пивные были по вечерам полны публикой, ужилавшей под звуки румынской музыки и подхватывающей хором куплеты любимых песен, среди которых большим успехом пользовалась песня “Шуми Марица”»⁸.

Песня имела множество вариантов, связанных с войной с турками, а также с сербами в 1885 г. Привожу текст, ставший гимном страны на многие десятки лет. После 1944 г. текст был изменен.

*Шуми Марица
Окървавена,
Плаче вдовица
Люто ранена.*

Припев:

Марш, марш,

*С генерала наш!
В бой да летим,
Враг да победим!*

*Българска чеда
Цял свет ни гледа.
Хай към победа
Славна да вървим.*

Припев:

*Левът балкански
В бой великански
С орди душмански
Води ни крилат.*

Припев:

*Млади и знойни,
В вихрите бойни.
Ний сме достойни
Лаври да берем.*

Припев:

*Ний сме народа,
За чест и свобода,
За мила рода
Който зна да мре.*

Припев.

Русские стремились, как и везде, устроиться по-своему – со своими магазинами, лавками, ресторанами, библиотеками и прочим, что позволяло им быть почти как в России.

Между «быть и не быть» жила эмиграция.

Про «не быть» не буду: это просто уход в себя, отречение от себя, от прошлого, забвение...

«Быть» – это:

Не уступить. Не сдаться. Не стерпеть.

Свободным жить. Свободным умереть.

Ценой изгнания все оплатить сполна.

И в поздний час понять, уразуметь:

Цена изгнания есть страшная цена⁹.

И, конечно, «быть» это быть.

Тут и модный дом Пелагеи Видинской (ул. Алабина, 30)¹⁰, первый мануфактурный магазин «Волга» (ул. Царь Симеон, 88)¹¹, ателье одесского и петроградского портных С. Шамраева и Д. Белобоскина (ул. Левского, 16)¹², русский парфюмерный магазин (ул. Мария-Луиза, 77)¹³, и самая старая в Софии русская сапожная мастерская А. Камкина (ул. Раковского, 53)¹⁴, русская сапожная мастерская «Петроград» (Регентская, 46) Федора Приходы¹⁵, кофейный магазин «Кле-

ментина» (ул. Клементины, 17) и Русский деликатесный магазин (Московская, 25)¹⁶, и русская московская колбасная (бул. Дондуков, 24)¹⁷, туда всегда к 11 часам подвозили такие деликатесы, как лебервурст, свежую пражскую ветчину¹⁸.

К услугам любящих «источник знаний» – книгу – действовали среди прочих книжный магазин «Печатное дело» (ул. Царь Освободитель, 6)¹⁹, книжный склад «Зарница» (ул. Вrabча, 6), французский книжный магазин «Наука и литература» (ул. Царя Освободителя, угол ул. Бенковского), библиотека при Русском доме (ул. Московская, 9) и располагавшаяся там же библиотека Всероссийского союза городов. Купить нужные газеты можно было у букиниста Манько у русского посольства. Там же шла покупка и продажа старых и новых книг²⁰.

Из библиотек перечислю еще несколько: при Обществе галлипо-лийцев, Русской гимназии, Союза русских студентов²¹.

Около 5 000 томов насчитывала у себя Пушкинская библиотека Всероссийского союза городов и Земского комитета городов (ул. Царь Шишман, 1, что около памятника царю Освободителю). Там можно было найти и новинки литературы и книги довоенного издания (беллетристика, история, публицистика, периодические журналы). Были французский, английский отделы. Действовала своя читальня²².

За удовольствие надо было платить: при записи вносили залог в 50 левов и ежемесячно платили по 30 левов. Это были совсем небольшие деньги, ведь килограмм белого хлеба стоил 12 левов, мяса – 24 лева, поденный рабочий получал в день 50 левов²³.

Небольшое добавление. Размещавшиеся в двух комнатах книги Пушкинской библиотеки были в 1944 г. растащены советскими солдатами и офицерами²⁴.

Впрочем, почти такая же судьба ждала и библиотеку Русского дома в Белграде. Русские люди всегда уважали печатное слово и оказавшись за границей не могли не удержаться от искушения «взять в полон» понравившуюся книгу!

У многих русских имелись свои библиотеки, любовно собиравшиеся ими на протяжении многих лет.

Так, по воспоминаниям Мещерского, «жемчужиной среди жемчужин» было его книжное собрание, посвященное России – ее политике, истории, литературе, философии. Другой библиотеки с таким богатством представленных в ней эмигрантских изданий не было ни в Болгарии, ни в Элладе. После вхождения Красной Армии в Софию вся эмигрантская литература была объявлена антисоветской, на что у новых властей имелись основания. В этой ситуации Мещерский, который подвергся кратковременному аресту и конфискации у него нескольких десятков книг, подарил библиотеку (около 2 000 книг, не считая периодики) Пушкинскому

дому, спасая ее от гибели²⁵.

Из Софийских русских приметных фигур можно упомянуть брата и сестру Калугиных, о которых князь Ратиев писал: «Как утверждали... они якобы лишились рассудка, когда у них на глазах были убиты отец и мать. Брат зимой и летом ходил в полинявшей фуражке и шинели какого-то русского политехнического института. По улице они двигались не вместе, а порознь, на каком-то расстоянии друг за другом. Робкими голосами они предлагали: “Не желаете ли купить газетку?” Так как протягивали они встречным газеты исключительно русские, то я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь покупал их товар. Чем они поддерживали свое существование – неизвестно. Все же бродили они по софийским улицам не менее лет десяти»²⁶.

К середине тридцатых годов в Софии появилась еще одна заметная фигура – поэт «Колосовский-Пушкин», требовавший в Комитете по делам русских беженцев «выдать ему удостоверение в том, что в него действительно вселился дух А. С. Пушкина». На этот ему кротко заявляли в том же стиле: «Приведите с собой двух свидетелей, а мы вам выдадим настоящее... свидетельство. Скажите только, какие произведения у вас имеются готовыми». На эту просьбу бедный больной Колосовский заявлял: «Долго думать я не стану – историю мира напишу.». Потом еще долго, несколько месяцев, он искал «свидетелей», но, увы.²⁷

Были в Софии и свои фотоателье: 1-я русская фотография «Фотофильм» (бульвар Дондуков, 36)²⁸, электрофотография «Миниатюра» (ул. Александра I, 10 и угол ул. Алабина)²⁹.

Любители истории могли купить, заказать, починить обувь у сапожника Александра Македонского (ул. Алабина, 19, угол ул. Царя Самуила)³⁰. Sic transit Gloria mundi.

Свободное время можно было потратить и на модное кино. В 1930-х гг. ходили на немецкую «фильму» «12 стульев», действие в которой происходило в Германии, смотрели многосерийного «Тарзана» с Джонни Вейсмюллером в главной роли. Популярны были и ковбойские фильмы. В кинематографе можно было увидеть и русскую «развесистую клюкву» о любви князя к дворовой девке³¹.

Иван Тинин в своих занятнейших воспоминаниях воспроизводит блистательную пародию Дона Аминадо (Аминодав Пейсахович Шполянский, творчество которого высоко ценили такие таланты, как М. Горький, З. Гиппиус, М. Цветаева) на сценарий голливудского «шедевра»:

*Ночь, сугробы, перелески,
Три медведя под сосной,
Кучер в шубе, князь в черкеске
С длинной пикой за спиной.
Наконец они приехали к Марфуше.
На ней была шаль, кокошник, сарафан.*

*Князь разводит с ней турусы,
Русский с драмою роман.
А в это время: прут на замок нигилисты
По прозванью мужики.*

*Лезут скопом, все сердиты,
В волчьих икурах. Просто страх.
Не крестьяне. Троглодиты
С красным знаменем в руках.*

В общем, эти троглодиты начали громить замок. Князь вышел на крылечко.

*Полетела в снег гармошка.
Оборвалась с жизнью связь.*

А Марфушка тем временем вышла из замка задним ходом, села в сани и вперед.

*Мчится тройка шибче беса,
Не догнал ее народ.*

Конец первой серии голливудского фильма о русских в стихах таков:

*На пригорке, на опушке
Камень с надписью такой:
Здесь покойник князь Петрушка*

С Достоевского тоской.

Вторую серию Дон Аминадо начал так:

*В Голливуде не в неволе,
Много киноателье
Там Марфушка в главной роли
В фильме “Царское кольцо”.*

*Шум, успех необычайный.
И Марфуше в сей момент
Предлагает брак законный
Большевистский президент.*

*Нет конца пурпурным лентам,
И в плакатах горизонт,
А Марфуша с президентом
Объезжают красный фронт...*³²

В основном шли фильмы американского, немецкого, французского производства. Захватывали фильмы с Гретой Гарбо, Мери Пикфорд, Иваном Мозжухиным³³. О Мозжухине, «халифе на час, идоле и жертве европейских психопатов, герое европейского экрана», Дон Аминадо (А. П. Шполянский) напишет, что он умер от туберкулеза, «промотав небольшой талант, сумасшедший успех и сожженную алкоголем молодость»³⁴.

В середине 1920-х гг. русские эмигранты могли смотреть документальный фильм «300-летие царствования Дома Романовых».

В конце 1929 г. в Болгарии был снят фильм «После пожара в России», поставленный по повести Пенчо Михайлова «Под землей», в котором сыграла одну из ролей гимназистка Таня Тарновская, исключенная из школы за свой «возмутительный» дебют³⁵.

Но это уже традиция: в России и за гораздо меньшие «вольности» исключали с «волчьим билетом». Стоит перечитать того же Дон Аминадо.

И все же самыми, самыми... были творения советских режиссеров и артистов. Первый советский фильм «Чапаев» шел несколько месяцев подряд. Этот фильм среди изгнанников посеял смуту: «Одни говорили, что этот фильм – воспоминание о Гражданской войне, другие утверждали, что все это брехня, третьи признавали, что это большевистская пропаганда. Но главное здесь то, что все спорили о нем и смотрели его по нескольку раз». Второй советский фильм, вызвавший смятение был «Тринадцать». И. Тинин подчеркивал в своих воспоминаниях, что «фильмы из России всегда очень болезненно и трепетно воспринимались русскими эмигрантами. Они были для взрослых и желанным напоминанием об утраченной родине и одновременно вызывали душевную боль по утрате»³⁶.

Любители русской песни могли ходить на разнообразные

концерты. Случались и праздники души, когда выступал в Софии хор С. Жарова, пели А. Вертинский, Н. Плевицкая, на концертах которой зал «заливался слезами», в особенности при исполнении песни «Занесло тебя снегом, Россия»³⁷, с ее первыми строками:

*Занесло тебя снегом, Россия,
Запуржило седою пургой,
И холодные ветры степные
Панихиду поют над тобой.
Замело!.. Занесло!.. Запуржило!..*

И не могу не напомнить здесь пронзительно-печальных строф Георгия Иванова

*Россия счастье, Россия свет.
А, может быть, России вовсе нет.*

*И над Невой закат не догорал,
И Пушкин на снегу не умирал,*

*И нет ни Петербурга, ни Кремля —
Одни снега, снега, поля, поля...*

*Снега, снега, снега... А ночь долга,
И не растают никогда снега.*

Снега, снега, снега... А ночь темна,

И никогда не кончится она.

Россия тишина. Россия прах.

А, может быть, Россия – только страх.

Веревка, пуля, ледяная тьма

И музыка, сводящая с ума.

Веревка, пуля, каторжный рассвет

Над тем, чему названья в мире нет.

И все же у поэта были и иные строфы о России:

Это звон бубенцов издалика,

Это тройки широкий разбег,

Это черная музыка Блока

На сияющий падает снег.

... За пределами жизни и мира,

В пропастях ледяного эфира

Все равно не расстанусь с тобой!

И Россия, как белая лира,

Над засыпанной снегом судьбой.

Но это все высокая поэзия.

Приземленными были строки Дон Аминадо:

Не негодуя, не кляня,

Одно лишь слово! Но простое!

*– Пусть будет чуден без меня
И Днепр, и многое другое...³*

Надо было жить, устраиваться, приспосабливаться, обу-
страиваться...

По сути дела братская болгарская земля все же с трудом становилась своей. В чем трудность? – в стиле, который в жизни русского и болгарина был различен. В подтверждение – только одна картинка:

«Поведение русских. было странно и непонятно болгарам, вызывало их осуждение. Русские мужчины целовали руки у замужних женщин, причем не только у пожилых, но и совсем юных. Русские женщины свободно ходили в одиночку по городу, без стеснения встречались и разговаривали со знакомыми мужчинами. Летом они носили привезенные с родины легкие белые платья из «шитья» с вышитыми или вырезанными медальонами, «мережкой» и другой «сквозной» вышивкой. Под платьями у русских женщин были красивые нижние юбки с воланами, кружевами и вышитыми медальонами, которые служили для защиты от нескромных глаз прозрачных частей надетого сверху платья, но воспринимались болгарками в совершенно противоположном смысле. Доходило до того, что болгарская женщина хватала русскую за подол платья, поднимала его и, завидя более нарядную, чем верхнее платье, нижнюю юбку, кричала: "Смот-

рите, они приехали соблазнять наших мужей!“, причем это иногда происходило в присутствии мужа-болгарина. Как это ни обидно и несправедливо, русских женщин часто называли “развалена руския”, то есть “развратная русская”»³⁹.

Болгарки, привыкшие к традиционному платью, зачастую просто не воспринимали русских женщин, одетых по-европейски. Именно о таких модницах в юмористическом листке «абсолютно независимой мысли» под названием «Вопль!» в 1929 г. публиковались следующие стихи:

*С каждым годом все короче
Дамский модный туалет...
И скажу я, не пророча,
Что нас ждет чрез десять лет*

*Побожуся я – ей Богу,
(Пусть простит Всевышний мне) —
Наши моды понемногу
Возвратятся к старине.*

*Скоро бабушки и девы!
И плеяды пышных дам —
Запестрят в костюмах Евы!
По бульварам и садам.*

*С каждым годом все короче
На прикрытые намеки —
И исчезнет между прочим*

*Даже фиговый листок*⁴⁰.

Как и везде, в русском зарубежье, в Софии были свои «питательные заведения». Назову несколько.

Предлагал себя первый русский ресторан «Гамбринус» (бул. Дондуков, 36) с девизом «Вкусно – сытно – дешево»⁴¹.

Столовая при Русском офицерском собрании обещала «вкусные дешевые обеды и ужины» с непременно водкой, пирожками и гречневой кашей⁴².

Рекламировали себя «Русский ресторан» (ул. Бенковского, 2) и ресторан «Радость» (ул. Клементины, 12), ресторан «Наслада» (ул. Мария-Луиза, 61)⁴³.

В ресторане «Русский уголок» (ул. Мария-Луиза, 61) чай по-московски и рюмка водки «на ходу» стоили одинаково – 5 левов⁴⁴.

В ресторане Родиона Писарева (потом А. Попова) «Медведь» можно было отобедать за 12 левов (два блюда на «свежем сливочном масле»!), причем водка и вина подавались с бесплатной закуской! (Номер газеты «Русь», в которой было помещено это объявление, стоил 3 лева)⁴⁵.

Можно было сходить в ресторан «1-я Старая Планина» Ал. Ив. Костова (угол ул. Сердика и ул. Экзарха Иосифа, 39)⁴⁶ или в столовую с обычным названием «Родина» (ул. 6 сентября, 18), но с ресторанными ценами⁴⁷.

В ресторан «Малага» (ул. Мария-Луиза, 58), можно было заскочить и хлопнуть рюмку водки «на бегу» за 5 левов. Уважающим «основательное питание» предлагался графин водки с закусками за 50 левов⁴⁸.

Водок было много и «Смирновской» и других «белоголовок. Василий Шульгин вспоминал такие рекламные строки:

*Родное нам вино
Петра Смирнова...
Когда ты пьешь его,
Захочешь снова...
Всегда свободно и легко
Я водку пью, а не Клико...*⁴⁹

Любили русские захаживать и в старый ресторан «Славянская беседа», где клиентов всегда удивлял дряхлеющий официант, который «каждый раз, рассчитываясь с клиентами... ловким движением подбрасывал... монокль к глазу и без промаха одним движением брови закреплял его на месте». Администрация считала его своеобразным символом этого ресторана, достопримечательностью и не увольняла старика⁵⁰.

Для простых работяг, зарабатывающих, бывало, до пятидесяти левов, еда обходилась значительно дешевле. Так на ул. Регентской, неподалеку от железнодорожного вокзала «Подуяне», располагалась столовая под грозным названием

«Сибир»!

Владелец этого заведения бай Стефан назвал свое «пищеварительное заведение» не из-за того, что его когда-то упекли туда, а единственно по любви к России!!!

И у него обед из чорбы (супа) с тарелкой фасоли с мясом или кислым молоком обходился не дороже шестидесяти-семидесяти стотинок⁵¹.

Для вегетарианцев, «выживших после войны», действовала столовая (бульвар Дондуков, 51), где за обед из двух блюд с хлебом следовало заплатить 9 левов⁵², а также «Вегетарианский дом» (ул. 6 сентября, 1)⁵³ и ресторан «Ясная Поляна» (ул. Триадица, около «Сплэндида»)⁵⁴.

Домашние обеды предлагали и русские семьи, например, по адресу бульвар Христо Ботев, 68, с 12 до 15 часов⁵⁵.

Для войсковых частей Василий Хранов готовил и продавал кислую капусту в 750-килограммовых бочках⁵⁶.

Реклама была неказиста, зато по-русски, с упоминанием неизменной вкусной водки! Были даже стихи. Вот ее яркий образчик заведения «Кабардле» (площадь Славейкова и угол ул. Левского, 18):

Куда идти?.

Когда захочется Вам выпить

И вкусно, сытно закусить,

– Куда, – Вы спросите – направить

Свои стопы, чтоб не бродить?

*Ответ лишь может быть один
Идите прямо в «Кабардле»,
И не беда, что в кошельке
У Вас, друзья мои, не густо,*

*С полудня все там уже ждут
Прихода дорогих гостей
И по столам стремглав несут
Чорбу, и суп и порций щей.*

*Там кухня европейская,
Но есть и шашлыки,
И водка несравненная,
Вино и коньяки...⁵¹*

Там можно было и «обмыть» удачную сделку и продажу бриллиантов и успех на выставке-продаже вещей русских беженцев: золото, серебро, ценные иконы, бронза, фарфор, хрусталь, меха, ковры, картины, гравюры, книги, ноты, различные рукоделия, игрушки, кустарные изделия, одежда, белье, обувь, манящих иностранцев⁵⁸, желавших по случаю, за бесценок, прикупить бесценное.

Кстати, в Софии, как и в других центрах русского зарубежья, были широко открыты двери ювелирных магазинов, куда можно было сдать на комиссию свои драгоценности.

В частности, владелец «Петербургского ювелирного магазина» (ул. Левского, 2, напротив дворца) С. С. Кравец-Кравцов принимал бриллианты до 25 тысяч левов за карат, платина шла до 300 левов за грамм, золото – до 75 левов, серебро – до 5 левов⁵⁹.

Скупкой занимался и Первый Русско-Болгарский столичный банк «Взаимный кредит» (бул. Граф Игнатъев, 4, угол ул. Алабина)⁶⁰

Тем, у кого не было ни бриллиантов, ни профессии, деньги доставались «неинтеллигентским» трудом. Так, в 1923 г. в газете «Русь» можно было прочесть следующее объявление: «Русская дама принимает в стирку белье: работа исполняется добросовестно и гигиенично. Ул. Аспарух, 61»⁶¹.

«Требовались дамы в театр-ресторан «Фоли-Бержер» в качестве кельнерш и продавщиц цветов»⁶², где русская Мария Александровна превращалась в болгарскую «Мици».

И все же в Софии, где можно было в газете встретить такое объявление, как «Ангорский котик приглашает в гости породистую кошечку. Котят пополам»⁶³, было легче куда-нибудь устроиться, нежели в провинции.

В шахтерском Пернике бывшие воины Русской армии получали в 1923 г. 18–27 левов в день при бесплатном освещении, отоплении, жилье в казармах и бараках, полных клопов, и обеде из бобов с деревянным маслом, заправленных красным перцем или такого же риса⁶⁴.

И, конечно, многие бедолаги, особенно предпенсионного или пенсионного возраста, вероятно, горько вспоминали ту – прошлую, красивую – жизнь, думая о том, что вылилось в стихи у Марины Цветаевой в 1934 г.:

Сад
За этот ад,
за этот бред,
Пошли мне сад
На старость лет.

На старость лет,
На старость бед:
Рабочих – лет,
Горбатых – лет...

На старость лет
Собачьих – лад:
Горячих лет —
Прохладный сад...

Для беглеца
Мне сад пошли:
Без ни – лица,
Без ни – души!

Сад: ни шажка!
Сад: ни глазка!
Сад: ни смешка!

Сад: ни свистка!

Без ни-ушка

Мне сад пошли:

Без ни душка!

Без ни-души!

Скажи: довольно муки – на

Сад – одинокий, как сама.

(Но около и Сам не стань!)

Сад одинокий, как я сам.

Такой мне сад на старость лет...

– Тот сад? А может быть – тот свет? —

На старость лет моих пошли —

На отпущение души.

Было легче молодым и здоровым, да еще обладавшим ходо-
вой профессией.

В отличие от врачей или медсестер, спрос на которых всегда превышал предложение⁶⁵, инженерам найти работу было сложно в слаборазвитой стране. Многие из них стали работать землемерами, что считалось удачей. Тем не менее «группе русских инженеров удалось основать предприятие по устройству системы отопления в квартирах», т. е. модернизировать производство железных печей⁶⁶.

Многие беженцы начинали с физического труда, становились шахтерами, работали на стройках. Большой труд рус-

ские вложили в строительство софийского водопровода, начатого в 1934 г., а также в прокладку трамвайных путей в болгарской столице. Те, которые оседали в деревнях, занимались, в частности, дублением овечьих шкур. Одним из эмигрантов была даже открыта фабрика дубленок, которую в 1947 г. «владелец подарил Советскому Союзу»⁶⁷.

Юрист становился печником, князь открывал на паях с болгаринем производство мебели, во главе одного из трех колбасных производств в Софии был тоже русский, некто Суханов. При своей «минифабрике», размещенной в обычной квартире, он открыл магазин, где торговал еще теплой ветчиной, малороссийской, краковской, «собачьей радостью» и другими сортами. Колбасы продавали и другие русские, но уже только болгарского производства. К русской селедке приучал еще один магазинщик по фамилии Максимович, создавшей капитал на ее продаже. Имевшие вкус к торговле заколачивали деньги на продаже дешевой одежды, в том числе «секонд-хенда». Торговлей поношенной одеждой занималось и действовавшее с 1929 г. по 1937 г. целое предприятие, иронически прозванное русскими «Центрохла-мом». Женщины зарабатывали шитьем, открывали домашние столовые со знаменитыми русскими пирожками, память о которых жива и сейчас на Балканах. Выручал и родной язык, уроки которого вели в гимназиях эмигранты, в частности, они учили русскому болгарских певцов. Владение языками помогало найти самую разнообразную работу:

в банках, «переводчиками или лакеями в посольствах», женщины устраивались гувернантками, нянями. Была попытка заработать легкие деньги на азартных играх. Так, семья Паганаци открыла было казино, но бережливые болгары его обходили стороной, а у русских были другие заботы. В итоге игорный дом быстро закрылся, не оправдав ожидания хозяев⁶⁸.

Как это странно, что русских не привлекала игра на «легкие» деньги!

Русские предпочитали ставить на себя.

Только одна судьба: князь Александр Леонидович Ратиев. Это была личность, о которых на английском языке есть слово «selfmademan», т. е. человек, сделавший себя сам. Бывший марковец, он прибыл в Болгарию в 1921 г. Начал трудовую деятельность столяром, потом стал краснодеревщиком, открыл свою мастерскую, получил известность мастера интерьера. И хотя в 1929 г. он закончил юридический факультет Софийского университета, но правоведом так и не стал, предпочтя старое, но любимое ремесло новому занятию. После Второй мировой войны, с 1947 г. по 1949 г., был даже директором деревообрабатывающей фабрики при Клубе советских граждан в Болгарии. Потом трудился главным проектировщиком в кооперативе «Народная мебель». Князь был автором многих интерьеров для правительственных учреждений, частных домов, зданий культурного назначения и др.⁶⁹

*Вся жизнь – азартная игра...
Как не люблю азартные я игры!
И что же делать? Боже мой!
Не умирать же!*

*Я проживу всю жизнь без ставок,
Поставив просто на саму себя!
А если будет мало – ваша воля
Поставьте на того вон короля.*

*Ах, ставки... Что за глупость?!
Я ставлю лишь на жизнь!
Живите! Умирать не в свое время – глупо!
И ставьте только! ТОЛЬКО! На себя!¹⁷⁰*

Экзарх, архиепископ, протопресвитер, священник, монахиня и партизанка

Вначале я хотел бы отдать дань памяти, уважения к экзарху Болгарской Православной Церкви митрополиту Стефану.

Один из русских, поселившихся в Болгарии, писал в 1923 г.: «Безотказно помогает русским, насколько может, Болгарский Св. Синод, и, в особенности, очень многие эмигранты с чувством самой искренней признательности будут вспоминать о бывшем представителе верховного комиссара Лиги Наций по делам о русских беженцах – еп. Стефана. Не из средств Лиги Наций, а исключительно благодаря своей энергии, отзывчивости, чуткому сердцу, он поддержал, накормил, обул, одел многие и многие сотни русских беженцев, многим выхлопотал визы в желательные для них страны и отправил их туда, наконец, помог своим участием и советом. И сказать по секрету, мне известны случаи, когда для оказания помощи епископ Стефан... закладывал свои «дрехи» (одежду)»⁷¹.

Добавлю, что уже в сане экзарха митрополит Стефан (Стоян Попгеоргиев Шоков) после освобождения страны пожертвовал от имени Болгарской Православной Церкви очень

крупную сумму денег на лечение русских братушек.

Теперь о трех судьбах примечательных русских людей – архиепископе Серафиме (Соболеве), протопресвитере Георгии Шавельском, священнике Всеволоде Шпиллере, – в биографиях которых, столь различных, отразилось само время. Каждый из них достоин книги. И у любого из троих был свой путь, своя биография, свой формулярный список и общее время.

Итак, я начинаю.

Серафим (Николай Борисович Соболев; 01./14. XII. 1881, Рязань – 26. II. 1950, София), архиепископ. Окончил Рязанскую духовную семинарию. В 1908 г. закончил с ученой степенью кандидата богословия Санкт-Петербургскую духовную академию. В ее стенах, будучи на четвертом курсе, был пострижен в монашество с именем Серафима в честь преподобного Серафима Саровского.

Потом была преподавательская работа в пастырском училище в далеком от северной столицы южном Житомире, затем последовало назначение на пост помощника смотрителя Калужской духовной семинарии. Из Калуги был отправлен служить инспектором в Костромскую духовную семинарию. В декабре 1912 г. его повысили: стал ректором Воронежской духовной семинарии, которой руководил до 1919 г. После был перемещен на должность ректора Екатеринославской духовной семинарии, куда не мог приехать, так как город был занят отрядами Нестора Махно. Вследствие этого о.

Серафиму было предоставлено место ректора духовной семинарии в тогда еще свободном от красных отрядов Симферополе, где 1/14 октября 1920 г. был рукоположен в кафедральном соборе во епископа Лубенского. (Святейшим Патриархом Тихоном был переименован во епископа Богучарского уже после отъезда из России.) В конце октября, когда Красная Армия была уже в 30 км от Симферополя, владыка просил у архиепископа Димитрия Таврического благословения остаться в России. Однако владыка не решился дать просимое: «...если с Вами случится что-то плохое, я буду страдать, что дал свое благословение». В этой ситуации было решено прибегнуть к жребию. После молитвы перед иконой Курской Коренной Божией Матери архиепископ вытащил листок с надписью «уезжать». 1/14 ноября 1920 г. на пароходе «Херсонес» он отплыл из Севастополя.

Сначала был Стамбул, потом провел несколько месяцев в богословской школе на о. Халки, а 6/19 мая 1921 г. прибыл в Болгарию.

В мае 1921 г. Высшим Церковным Управлением за границей владыка был назначен настоятелем храма св. Николая при русском посольстве в Софии и русского монастыря святого благоверного великого князя Александра Невского в Ямболе, а через три месяца управляющим русскими православными приходами в Болгарии на правах епархиального архиерея. В этой должности состоял до своей кончины. В 1934 г. возведен в сан архиепископа.

Что еще?

Защищал справедливость принятого в 1922 г. от имени Русского Всеагличного Церковного Собора (1921 г.) Высшим Церковным Управлением обращения к Генуэзской конференции с призывом бороться с большевизмом. По словам владыки, это послание есть «воплъ тяжело страдающей русской души с мольбою ко всем народам мира – спасти всеми возможными мерами вплоть до оружия несчастный русский народ от большевизма как “культы убийства, грабежа и богохульства в России”». Ссылаясь на 93 (104) правило Карфагенского собора, где содержится ссылка на апостола Павла, прибежавшего к воинской помощи против «людей бесчинных», считал этот шаг ВЦУ канонически правильным. Соответственно, полагал, что осуждение Святейшим Патриархом обращения сделано под давлением властей, «есть плод небылого насилия врагов нашей Церкви, которое испытывает Она, в особенности в лице Ее главы – Патриарха Тихона».

Но так или иначе это обращение было использовано против Святейшего, о чем, вероятно, не задумывались за границей.

По вопросу управления РПЦЗ предлагал «остаться при Высшей Власти Соборной, разумея под нею власть собора епископов». «Последняя, – подчеркивал владыка, – не достигается указом Патриарха, она стоит вне его отрицательного действия, но вместе с тем она каноническая и единственная для всех нас, теперь – после указа Патриарха (№ 348 об

упразднении Высшего Церковного Управления – В. К.) авторитетная». В перерывах между Соборами власть принадлежала бы для решения текущих дел Синодальной канцелярии с состоящим из архиереев Управлении, мало чем отличавшимся от Синода. Практически такая форма власти и установилась со временем в РПЦЗ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.